

М. Н. Суворов

РЕЛИГИОЗНАЯ ЦЕНзуРА ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРОДУКЦИИ В АРАБСКИХ СТРАНАХ (XX — НАЧАЛО XXI в.)

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

В современных арабских странах, где массовое сознание продолжает оставаться религиозным, мусульманским, а государственное законодательство в той или иной степени базируется на доктрине ислама, цензура в области литературы активно оперирует понятиями «оскорбление веры» и «оскорбление общественной морали» для преследования авторов, критикующих архаичные общественные устои. Роль цензоров при этом могут исполнять как государственно-религиозные органы, так и религиозные общественные объединения. В статье рассматриваются некоторые известные примеры религиозных цензурных запретов в истории арабской литературы XX — начала XXI в., особенно в области художественной прозы, а также дается оценка степени эффективности арабской цензуры на современном этапе. Библиогр. 6 назв.

Ключевые слова: арабская литература, цензура, ислам.

RELIGIOUS CENSORSHIP OF LITERATURE IN THE ARAB WORLD (20TH — EARLY 21ST CENTURY)

M. N. Suvorov

St. Petersburg State University,
7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

In the modern Arab world, whose mass consciousness is still religious, Islamic, and whose state legislations are based to a greater or lesser extent on Islam, censors of literature use such terms as “offending the religion” and “offending public morality” to prosecute those authors who criticize archaic social foundations. The role of censor here can be performed by an established religious organ or by a popular religious association. The article discusses some notorious cases of religious censorship of Arabic literature in the 20th — early 21st century, primarily of fiction prose, and gives evaluation of Arab censorship’s effectiveness at present time. Refs 6.

Keywords: Arabic literature, censorship, Islam.

С тех пор как появилось письменное слово, властные элиты всех народов стремятся осуществлять контроль над письменной продукцией с целью ограничения распространения идей и мнений, противоречащих господствующей идеологии, служащей основой их власти. На протяжении истории роль и средства цензуры менялись — в зависимости от общего уровня общественного развития и характера конкретных политических режимов.

В современных западных государствах, которые характеризуются как демократические, правовые и секулярные, цензурные ограничения могут касаться лишь той литературной продукции, которая в судебном порядке признается экстремистской, т. е. представляющей угрозу для внутренней и внешней безопасности страны, стабильности государства и политического строя. При этом государство обеспечивает максимальное соблюдение прав и свобод человека — в данном случае автора, — которые закреплены в законодательном порядке.

Иначе дело обстоит в странах арабского Востока, где массовое сознание остается религиозным, мусульманским, государственное законодательство в большей

или меньшей степени базируется на доктрине ислама, а демократические правовые институты слабо развиты. Цензурные ограничения здесь распространяются и на ту литературную продукцию, которая по мнению государственно-религиозных органов не соответствует принципам ислама, т. е. — согласно распространенным формулировкам — «оскорбляет веру» или «оскорбляет общественную мораль». К числу таких государственно-религиозных органов можно отнести широкий спектр институтов; каждая арабская страна имеет в этом отношении свою специфику и свою практику.

Представляется, что первым в истории новой арабской литературы случаем «оскорбления общественной морали» можно считать публицистические сочинения египетского юриста Касима Амина (1865–1908) «Освобождение женщины» (Тахрир аль-мар'а, 1899) и «Новая женщина» (Аль-Мар'а аль-джадида, 1901), в которых автор, размышляя в духе идей популярного тогда мусульманского модернизма о возрождении арабской нации, осуждал бесправное положение женщины в арабском обществе, призывал к ее правильному воспитанию, к получению ею начального образования, к упрощению формы хиджаба и т. п. Эти исключительно полезные просветительские идеи, ни в коем случае не подвергавшие сомнению принципы ислама, а лишь осуждавшие существующую порочную общественную практику, подверглись яростной критике со стороны мусульманских традиционалистов. Реальных репрессий против автора, впрочем, не последовало — возможно, потому, что высшая духовная власть в стране находилась в это время под контролем Мухаммеда Абдо (1849–1905), главного идеолога исламской реформации, занимавшего пост верховного муфтия Египта.

Два других эпизода того же рода — уже с неприятными последствиями для авторов — имели место в Египте через четверть века, когда были опубликованы два историко-культурологических исследования: «Ислам и основы власти» (Ислам ва-усуль аль-хукм, 1925) александрийского кади Али Абд ар-Разика (1888–1967) и «О доисламской поэзии» (Фи-ш-ши'р аль-джахили, 1926) профессора Каирского университета Таха Хусейна (1889–1973). Али Абд ар-Разик, получивший образование в каирском исламском университете аль-Азхар и несколько лет проучившийся в Оксфорде, утверждал в своем сочинении, что халифат является лишь политическим институтом, не имеющим отношения к собственно религии. Тем самым он выступил против распространенного — даже по сей день — мусульманского представления о нераздельности религии и государства. Синклит египетских улемов под председательством ректора аль-Азхара вынес суждение о том, что книга Абд ар-Разика противоречит исламу, и лишил автора права занимать судебные должности. Таха Хусейн, получивший в годы учебы во Франции практические навыки историко-литературного анализа, отрицал в своей работе аутентичность поэтических текстов, которые традиционно считались арабским доисламским наследием, а также ставил под сомнение историческое существование Авраама и его сына Исаиила, прародителя всех арабов, о которых сказано в Коране. Улемы аль-Азхара потребовали от королевского прокурора привлечь автора к суду за оскорбление веры, запретить и конфисковать книги. Прокурор состава преступления в публикации книги не обнаружил, но она, тем не менее, была запрещена, и тираж ее был полностью конфискован. Позже, в 1932 г., Таха Хусейн без ясных мотивов был уволен из университета — не исключено, что ему припомнили это «оскорбление веры».

Четвертый громкий эпизод такого же рода связан с публикацией сборника «Критика религиозной мысли» (Накд аль-фикр ад-дини, 1970) сирийского ученого Садека Джаляля аль-Азма (р. 1934). В 1970-е годы шел уже спад господствовавшей в предыдущие десятилетия идеологии арабского национализма, и ее место в массовом сознании быстро занимал ислам радикального толка. Именно страх перед крепнущим религиозным радикализмом, подавляющим любое инакомыслие (который сейчас уже можно наблюдать во всем исламском мире), заставил ученого опубликовать сборник своих статей и выступлений, о тематике которых ясно говорит название книги. Поскольку «либеральные» времена были уже позади, книга сразу стала предметом судебного разбирательства. Автора обвиняли «в оскорблении религии, скептическом отношении к религиозным убеждениям и насмешке над религиозными ценностями, в частности, когда он затрагивает аяты о сотворении человека из глины, о джиннах, ангелах и дьяволе, о миссии Иисуса Христа и пр.» [1, с. 103]. Ученый все же был оправдан судом, поскольку книгу удалось квалифицировать как философское исследование религиозной мысли, а не исламской доктрины.

Описанные выше случаи являются примерами карательной цензуры в области научно-публицистической литературы; эта цензура с тех пор только ужесточилась, и к ней — с распространением исламского радикализма — добавилась опасность внесудебной расправы над автором. С 1960-х же годов объектом государственно-религиозной карательной цензуры стала и художественная литература, не касающаяся напрямую вопросов религии и ее роли в общественно-политической жизни.

Первые скандальные эпизоды в области цензуры художественной литературы связаны по большей части с «оскорблением» мусульманской морали, табуирующей дискурс на тему интимных отношений между полами. Некоторые арабские писатели, начитанные в современной им западной литературе, где подобный дискурс стал неотъемлемой частью реалистического отображения действительности, решили последовать примеру своих западных собратьев по перу, за что и поплатились. В 1964 г. прокурор Бейрутского апелляционного суда возбудил уголовное дело против ливанской писательницы Лейлы Ба'альбаки (р. 1936), опубликовавшей сборник рассказов «Корабль нежности к Луне» (Сафинат ханан иля-ль-камар, 1963). Расценив рассказы как оскорбляющие общественную мораль, прокурор потребовал наказания для автора в виде лишения свободы сроком от одного до шести месяцев. Одновременно был конфискован весь тираж сборника. Суд, однако, снял обвинение с писательницы и предписал вернуть тираж [2, с. 83–84].

Обвинения в оскорблении общественной морали, в «провокации сексуальной распущенности» звучали и в адрес чрезвычайно популярного египетского писателя Ихсана Абд аль-Куддуса (1919–1990), особенно в связи с переизданием в 1973 г. его якобы «порнографической» повести «Девушки и лето» (Аль-Банат ва-с-сайф), впервые опубликованной еще в конце 1950-х годов [2, с. 84].

В связи со случаем Абд аль-Куддуса стоит отдельно сказать о той общественной атмосфере, которая начала складываться в Египте с приходом к власти в 1970 г. президента Анвара Садата. Относительное свободомыслие, характерное для эпохи его предшественника, Гамалея Абд ан-Насера, довольно быстро уходило в прошлое. Стремясь нейтрализовать общественное влияние идейных «насе-ристов», а затем исламских фундаменталистов, Анвар Садат активно привлекал на свою сторону официальное мусульманское духовенство, которому в обмен на

поддержку передавал все большие полномочия. В этом отношении — и в связи с рассматриваемой нами темой — представляет интерес история формирования цензорских функций у аль-Азхара и существующей при нем с 1961 г. Академии исламских исследований. Изначальной задачей Академии был мониторинг богословской печатной продукции с целью пресечения искажений в толковании принципов ислама. В 1975 г. Академия была уполномочена выносить суждения и о тех сочинениях, которые касаются исламской культуры в целом. Одним из «достижений» Академии на этом поприще стало обвинение в «безбожии» Фарага Фоды (1946–1992), известного египетского правозащитника и публициста, человека либеральных взглядов, активно критиковавшего идеологию исламского фундаментализма и деятельность его лидеров. Обвинение, выдвинутое Академией, фактически развязало исламистам руки для убийства правозащитника; когда же он был убит, один из руководителей Академии заявил, что «если государство не имеет желания уничтожить безбожников, то этим будут вынуждены заниматься другие люди» [3]. В 1994 г. Академия получила полномочия осуществлять цензуру любой печатной, аудио- и видеопродукции на предмет соответствия ее нормам ислама. При этом египетскому Министерству культуры было вменено в обязанность принимать решения Академии к исполнению. В 1980–90-е годы Академия подвергла цензуре десятки книг, в том числе опубликованный еще в 1959 г. аллегорический роман «Дети нашего квартала» (Ауляд харатина), принадлежащий перу Нагиба Махфуза, самого известного арабского романиста, лауреата Нобелевской премии по литературе (1988). Яростные нападки на Махфуза в исламской прессе закончились реальным нападением на него исламского фундаменталиста, нанесшего писателю серьезное ранение. А в 2004 г. Академия получила право подвергать цензуре и осуществлять конфискацию любой информационной продукции, «противоречащей принципам, установлениям и ценностям ислама». На это Египетская организация по правам человека высказались в том смысле, что аль-Азхар получил возможность подвергать цензуре и конфискации все что угодно, даже не имеющее отношения к исламу [3].

Среди авторов, чьи книги наиболее часто подвергались критике и запрету со стороны аль-Азхара, — египетская писательница Наваль ас-Са‘дави (р. 1931), известная защитница прав женщин. В 1999 г. был запрещен ее роман «Женщина на нулевой отметке» (Имра’а ‘инда нуктат ас-сыфр, 1975), в 2004 г. — роман «Падение имама» (Сукут аль-имам, 1987), в 2007 г. — роман «Повесть» (Ар-Ривайа, 2007) и пьеса «Бог подает в отставку в ходе саммита» (Аль-Илях йукаддим истикалятаху фи-джтима‘ аль-кымма, 2007). Все эти произведения писательницы были расценены как выражающие неуважение к исламу, поскольку в них содержалась критика женского бесправия, поддерживаемого мусульманским духовенством. Верховный муфтий Египта на основании содержания произведений писательницы назвал ее безбожницей, и один из юристов-исламистов даже потребовал насильно развести ее с мужем: ведь мусульманин не может быть женат на безбожнице (так, в 1995 г. был насильственно разведен с женой египетский профессор Наср Абу Зейд (р. 1943), чьи сочинения были признаны религиозным судом еретическими). Исламисты развернули против Наваль ас-Са‘дави кампанию травли и внесли ее имя в список лиц, подлежащих физическому уничтожению. В результате всего этого писательница была вынуждена эмигрировать за рубеж.

Еще один писатель, против которого египетские исламские радикалы развернули кампанию травли, — сириец Хайдар Хайдар (р. 1938). Когда в 1999 г. в Египте был переиздан его роман «Пир водорослей» (Валимат а'шаб аль-бахр, 1983), повествующий о событиях революционной борьбы в Ираке и Алжире, два египетских критика расценили его как оскорбление ислама, Корана и пророка Мухаммада — на основании их собственного толкования отдельных пассажей романа вне общего контекста. Вслед за этим толпы исламистов вышли на улицы с требованием наказать автора, а также египетского министра культуры, допустившего публикацию романа. Чтобы успокоить исламистов, дело передали на рассмотрение в аль-Азхар, который быстро вынес решение о том, что роман оскорбляет ислам, и поэтому его следует изъять из обращения и никогда больше не печатать.

Запрету со стороны аль-Азхара подверглись также: роман Халеда аль-Берри (р. 1972) «Жизнь прекраснее, чем Рай» (Ад-Дунья аджмаль мин аль-джанна, 2001), повествующий о личном опыте автора в качестве члена одной из египетских исламистских группировок; роман Ибрахима аль-Фаргали «Сыновья Гебелави» (Абна' аль-Джабалави, 2009), написанный в духе магического реализма и имеющий интертекстуальную связь с романом Нагиба Махфуза «Дети нашего квартала»; исторический роман Йусуфа Зейдана (р. 1958) «Азазель» (2008), посвященный проблеме религиозного сознания.

В других арабских странах религиозно-правовые инстанции и исламистские организации, действующие рука об руку, не отставали от своих египетских «единомышленников».

В Марокко самым известным примером карательной цензуры стал запрет автобиографического романа Мухаммеда Шукри (1935–2003) «Хлебом единым» (Аль-Хубз аль-хафи, 1982). Роман, в котором для создания атмосферы порочности, присущей Танжеру, автор использовал натуралистическое, порой гротескное изображение сцен разврата, был написан в 1972 г., издан на английском языке в 1973 г., на французском — в 1981 г. и впервые на арабском — в 1982 г. Сразу после выхода романа в свет на арабском языке его распространение в Марокко было запрещено приказом министра внутренних дел, и запрет этот был снят только в 2000 г. Одновременно роман был запрещен и в некоторых других арабских странах, а в 2005 г. по настоянию студентов-исламистов он был изъят из учебной программы Американского университета в Каире, в которой до этого присутствовал.

В большинстве арабских стран были запрещены к распространению повести «История Захры» (Хикайат Захра, 1980) ливанки Ханан аш-Шейх (р. 1945) и «Сад чувств» (Хадикат аль-хавасс, 1993) ливанца Абдо Вазина (р. 1957), признанные «порнографическими» [2, с. 84–85]. В некоторых арабских странах был наложен запрет на ряд произведений сиро-ливанской писательницы Гады ас-Самман (р. 1942), особенно на те, в которых затрагивались вопросы любви, секса, политики [4, с. 58].

В Кувейте в 1997 г. исламисты развязали травлю писательницы Лейлы Осман (р. 1943), выступавшей против религиозного радикализма. В результате этой кампании в 2000 г. писательница была приговорена судом к двухмесячному тюремному заключению — по обвинению в «непристойности и богохульном языке» рассказов ее сборника «Отъезд» (Ар-Рахиль, 1979) (фактически единственной «непристойностью и богохульством» было признано использование писательницей слов, обозначающих женскую грудь и похоть). Тот же суд приговорил к двухмесячному

тюремному заключению и штрафу в размере 100 кувейтских динаров новеллистку и поэтессу Алию Шу'айб (р. 1964) и ее издателя Йахью ар-Рубей'ана — за публикацию сборника стихов поэтессы «Пауки оплакивают рану» (Анакиб тарси джурхан, 1993), также признанного «непристойным и богохульным».

Наибольшей жесткостью государственно-религиозная, а также общественно-религиозная цензура отличаются в Саудовской Аравии, чьей государственной идеологией является ваххабизм. При этом часто бывает невозможно выяснить, какая именно инстанция осуществила цензуру и по каким причинам книга была запрещена. Как правило, функции цензоров выполняют Министерство культуры и информации и религиозная полиция — по собственной инициативе либо по запросу со стороны консервативной общественности. Вопиющим примером этой цензуры стал запрет на распространение в стране эпопеи из пяти романов крупнейшего арабского романиста саудовско-иракского происхождения Абд ар-Рахмана Мунифа (1933–2004), известной по названию ее первого романа — «Соляные города» (Мудун аль-мильх, 1984). Предположительной причиной запрета романов стало критическое изображение в них религиозно-политических основ и практик саудовского государства [5, с. 7–17]. Очевидно, по той же причине была запрещена и трилогия «Призраки в безлюдных переулках» (Атйаф аль-азикка аль-махджура, 1995–1998) известного саудовского романиста Турки аль-Хамада (р. 1952). Откровенные сексуальные сцены, изображение нарушения саудитами религиозных предписаний, размышления о противоречивости религии и о государственной политике — все это стало основанием для вынесения в адрес писателя четырех обвинительных *фетв*, три из которых появились после публикации последнего романа трилогии — «Застенки» (Аль-Карадиб, 1998), отличающегося особенно критичным отношением к религиозному засилью. После издания этого романа саудовская религиозная полиция засыпала аль-Хамада угрозами, а террористическая группировка аль-Каида объявила писателя вероотступником. Помимо Саудовской Аравии «Призраки в безлюдных переулках» были запрещены в Бахрейне и Кувейте. Романы известного саудовского поэта, прозаика и государственного деятеля Гази аль-Кусейби (1940–2010), занимавшего ряд министерских постов и известного своими либеральными взглядами, было разрешено издавать в стране только после смерти автора. А из десяти романов самого популярного ныне саудовского прозаика Абдо Халя (р. 1962), известного своими социально-критическими взглядами, восемь были запрещены к изданию в стране, причем по не известным самому автору причинам. Большинство его романов запрещены также в Кувейте, Катаре и Иордании.

Запрет в Саудовской Аравии налагается не только на произведения, критикующие религиозно-политические устои государства, но и на те сочинения, героям которых присущи поведение и мысли, «неприемлемые» для истинного мусульманина-ваххабита. Характерным примером в этом отношении стал роман «Девушки Эр-Рияда» (Банат ар-Рийад, 2005) писательницы Раджа ас-Сане' (р. 1981), в котором описывается повседневная жизнь трех молодых саудиек [5, с. 17–23]. Сразу после публикации роман был запрещен в Саудовской Аравии — на том основании, что писательница якобы оклеветала и опорочила саудовское общество: поведение героинь романа не соответствует принятым в стране нормам, и описанные нарушения религиозных предписаний являются вымыслом. Возмущение саудовских кри-

тиков вызвало, в частности, то, что в одном из эпизодов две героини распивают виски, украденный из родительского комода, одна из героинь встречается с помолвленным мужчиной, другая героиня однажды переделалась в юношу с целью сесть за руль автомобиля. Многие радикально настроенные граждане критиковали роман, даже не прочитав его. Были случаи, когда писательнице звонили и писали письма с угрозами убить ее, если она не прекратит распространение своего «развращающего молодежь» творения. Это стало одной из причин, по которым писательница эмигрировала в США, где роман был издан на английском языке.

Список запрещенных в Саудовской Аравии книг, составленный экспертом электронного журнала «аль-Араби аль-джадид» [6], содержит более двух с половиной сотен наименований, среди которых более шестидесяти являются романами арабских и неарабских авторов. Среди авторов запрещенных романов есть и известные саудовские писатели — Абд ар-Рахман Муниф, Гази аль-Кусейби, Абдо Халь, Мухаммед Альван, Йусуф аль-Мухаймид, Раджа' Алем, Умейма аль-Хамис, Лейла аль-Джихни, и писатели из других арабских стран — Нагиб Махфуз, Фу'ад ат-Теккерли, Мухаммед Шукри, Ибрахим аль-Куни, Васини аль-А'радж, Ахлям Мустагани, Сальва ан-Ну'айми, Муса Ульд Ибну, и неарабские писатели — Ф. М. Достоевский, Генри Миллер, Габриэль Гарсия Маркес, Паоло Коэльо, Орхан Памук.

Помимо действующих запретов, так же без объяснения причин возникают новые — часто во время проведения международных книжных ярмарок. Например, на книжную ярмарку в Эр-Рияде в 2014 г. не было допущено свыше четырех сотен наименований книг, а на аналогичную ярмарку в Кувейте в 2010 г. не допустили — помимо всего прочего — произведения таких известных египетских прозаиков, как Ибрахим Аслян, Ахдаф Сувейф, Хейри Шалаби, Галяль Амин, Гамаль аль-Гитани, Ибрахим аль-Фаргали.

Показательным примером одновременных действий арабской государственно-религиозной и общественно-религиозной цензур в области литературы стала ситуация, порожденная публикацией в Йемене постмодернистского романа-пародии «Горные челны» (Кавариб джабалийя, 2002) известного йеменского прозаика Ваджди аль-Ахдаля (р. 1973). Полный «черного» юмора, особенно сексуально-физиологического характера, роман сразу после публикации получил негативную оценку одного из видных йеменских литературных критиков, который заявил, что сочинение аль-Ахдаля попирает все моральные и религиозные устои общества. Критический отзыв вызвал реакцию правительства: спустя неделю после выхода романа министр культуры издал приказ о конфискации всего тиража, закрытии опубликовавшего роман издательства «Убади» и возбуждении судебного преследования автора. Заместитель министра, сам литератор, отказался подписать приказ и был вынужден уйти в отставку. Группа членов Союза йеменских писателей сочла подобный вердикт ущемлением свободы творчества и встала на защиту автора и издателя, отправив письма президенту и премьер-министру с требованием снять министра культуры с занимаемой должности. Премьер-министр, однако, поддержал принятое министром культуры решение, заявив, что книга «дурно пахнет». Начались ожесточенные дискуссии в литературных, юридических, религиозных и политических кругах. Летом 2002 г. имам главной мечети Саны в своих выступлениях по радио и телевидению объявил аль-Ахдаля безбожником, после чего остальные представители духовенства обрушили на писателя град проклятий.

Преследования со стороны властей и угроза смерти от рук исламских фундаменталистов заставили аль-Ахдаля летом того же года бежать в Сирию. Отзвуки вызванного романом скандала разошлись по всему арабскому миру, что для самого писателя и его произведения имело неожиданные последствия: роман сразу же был переиздан бейрутским издательством «Рийад ар-Раййис» и на каирской книжной ярмарке в начале 2003 г. оказался самой востребованной из всех представленных издательством книг. Участие в судьбе аль-Ахдаля принял Гюнтер Грасс (1927–2015), один из зачинателей постмодернистского направления в немецкой литературе и большой любитель Йемена. Он обратился напрямую к президенту Йемена с прошением о помиловании опального писателя. Аль-Ахдаль был официально прощен, вернулся в Йемен, но до сих пор с ним происходят разные неприятные истории, явно подстроенные властями. Сейчас роман «Горные челны» издан уже во французском переводе; два других романа писателя изданы также на итальянском и английском языках.

История с романом «Горные челны», как и со многими другими из вышеупомянутых романов, иллюстрирует три важных обстоятельства, связанных с действиями арабской религиозной цензуры.

Первое обстоятельство заключается в неупорядоченности, «хаотичности» действий органов цензуры как внутри отдельной арабской страны, так и во всем арабском мире в целом. Роман аль-Ахдаля породил общественный скандал лишь потому, что вызвал негативный отзыв фактически случайно прочитавшего его консервативно настроенного критика. Учитывая крайнюю немногочисленность подобных критиков в Йемене и отсутствие у йеменцев привычки к чтению художественной литературы вообще, никакого скандала могло и не случиться. А появление переизданного «скандального» романа на каирской книжной ярмарке свидетельствует о неупорядоченности действий египетских органов цензуры, которые, очевидно, не были осведомлены о вызванном романом скандале.

Второе обстоятельство заключается в том, что любой цензурный запрет художественного произведения способен породить широкую общественную дискуссию (в частности, в виртуальном пространстве) и тем самым вызвать интерес к произведению не только у потенциальных читателей, но и у тех либеральных издательств — как правило, бейрутских, — которые охотно переиздадут произведение, использовав эту дискуссию в качестве рекламы. Если бы автор «Горных челнов» не подвергся в Йемене преследованиям за свое сочинение, первоначальный маленький тираж романа, скорее всего, так и остался бы пылиться в неизвестности на полках двух-трех книжных магазинов Саны.

И, наконец, третье обстоятельство заключается в том, что «скандальные» арабские произведения привлекают особое внимание западных издателей — также, возможно, пользующихся этой «бесплатной» рекламой — и публикуются в переводе на европейские языки, что порой приносит их авторам мировую известность и относительное благосостояние. Сознывая это, все большее число арабских писателей стремится продемонстрировать свою «раскрепощенность», нарушая в своих произведениях мусульманские культурно-религиозные табу. Таким образом, арабская религиозная цензура как бы играет сама против себя, лишь стимулируя рост числа произведений, с которыми она призвана бороться.

Литература

1. Левин З. И. Арабские вольнодумцы XX столетия // Религия и секуляризм на Востоке. М.: Наука; Восточная литература, 1993. С. 91–104.
2. Snir R. Modern Arabic Literature and Islamist Discourse: 'Don't Be Coolness, Don't Flutter Safety' // *Journal of Arabic and Islamic Studies*. 5. 2003–2004. P. 78–123. URL: http://www.lancaster.ac.uk/jais/volume/docs/vol5/5_Snir.pdf (дата обращения: 12.06.2015).
3. Bredstrup M. Religious Censorship in the Azhar // *Arab-West Report*. Paper 12. January 2009. URL: <http://arabwestreport.info/sites/default/files/pdfs/AWRpapers/paper11.pdf> (дата обращения: 15.11.2014).
4. Шуйская Н. М. Поэтесса рассказа (Новеллистика Гады ас-Самман, 60–90-е гг. XX в.). М.: МГИМО-Университет, 2013. 272 с.
5. Yehia H. A. Translation, Culture and Censorship in Saudi Arabia (1988–2006) and Iraq (1979–2005), (2007). Masters Theses 1896 — February 2014. Paper 73. URL: <http://scholarworks.umass.edu/theses/73> (дата обращения: 22.04.2015).
6. Аш-Ша'и', Халед. *Кай'мат аль-кутуб аль-мамну'а фи-с-Са'удийя*. URL: <http://www.alaraby.co.uk> (дата обращения: 15.11.2014).

References

1. Levin Z. I. Arabskie vol'nodumtsy XX stoletia [Arab free-thinkers of the 20th century]. *Religiia i sekularizm na Vostoke [Religion and secularism in the East]*. Moscow, Nauka Publ.; Vostochnaia literatura Publ., 1993, pp. 91–104.
2. Snir R. Modern Arabic Literature and Islamist Discourse: 'Don't Be Coolness, Don't Flutter Safety', *Journal of Arabic and Islamic Studies*, 5, 2003–2004, pp. 78–123. Available at: http://www.lancaster.ac.uk/jais/volume/docs/vol5/5_Snir.pdf (accessed: 12.06.2015).
3. Bredstrup M. Religious Censorship in the Azhar, *Arab-West Report*. Paper 12. January 2009. Available at: <http://arabwestreport.info/sites/default/files/pdfs/AWRpapers/paper11.pdf> (accessed: 15.11.2014).
4. Shuiskaia N. M. *Poetessa rasskaza (Novellistika Gady as-Samman, 60–90-e gg. XX v.) [A poetess of the short story (Ghada al-Samman's short story writing, 1960–90s)]*. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2013, 272 pp.
5. Yehia H. A. Translation, Culture and Censorship in Saudi Arabia (1988–2006) and Iraq (1979–2005), (2007), Masters Theses 1896 — February 2014. Paper 73. Available at: <http://scholarworks.umass.edu/theses/73> (accessed: 22.04.2015).
6. Ash-Sha'i', Khaled. *Kai'mat al'-kutub al'-mamnu'a fi-s-Sa'udiiia [The list of books prohibited in Saudi Arabia]*. Available at: <http://www.alaraby.co.uk> (accessed: 15.11.2014).

Статья поступила в редакцию 6 июля 2015 г.

Контактная информация

Суворов Михаил Николаевич — доктор филологических наук, профессор; soumike@mail.ru
Suvorov Mikhail N. — Doctor of Philology, Professor; soumike@mail.ru